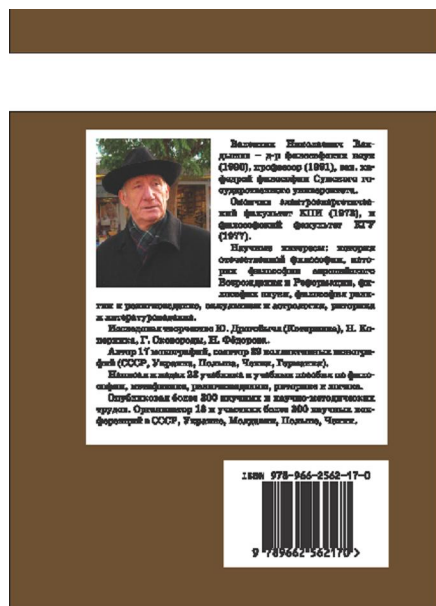

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ ПУБЛІКАЦІЙ

ИНТЕРТЕКСТ И ВЕЧНОСТЬ

Лежащее перед нами содержательное исследование университетского философа¹ не вполне может быть отнесено к жанру научно-популярных работ. Впрочем, изданное произведение можно уверенно отнести в равной степени как к жанру сквородиноведческой литературы, так и к литературе, изучающей проблемы идеологии русского космизма.

По своей сути эта работа охватывает значительный период времени, имеющий своих героев, показывающий их жизнь и деятельность в реаль-

ных исторических условиях. Всем своим содержанием произведение профессора В.Н. Вандышева демонстрирует своеобразие развития и филиации фундаментальных смысложизненных проблем, которые не могут привязаны лишь к описываемому времени. Пафос их неизмеримо глубже.

Автор начинает свое повествование со времен жизни и творчества Григория Саввича Сковороды. Вполне закономерно, что главный герой первой части произведения – Сковорода. Мы видим Григория Саввича в самый важный и ответственный период его жизни, когда он принимает решение – заняться тем, к чему он был призван по своей сущности. Его время жизни, его напряженные искания – это время формирования новых разнонаправленных философских систем, исследование которых – удел профессионалов. Но и человек образованный, хотя и не причастный к философии, и недостаточно в ней подготовленный, вполне осознает величие творческого вдохновения Жан-Жака Руссо, Иммануила Канта, Дени Дидро, Бенджамина Франклина и многих других мыслителей XVIII века. Среди своих современников фигуру Сковороды отличает, прежде всего, оригинальность и самобытность его учения, умение видеть в классической религиозной культуре, даже повсеместно искажаемой как малограмотными попами и дьяками, так и амбициозными иерархами православной церкви, глубокие духовные корни. Всем своим и философским, и литературно-поэтическим творчеством он демонстрирует умение проникнуть в суть вещей и понятий, независимо от того, относятся ли они к миру материальному, душевному или духовному. Насколько нам известно, исследователи жизни и творчества Сковороды практически не останавливались на теме его отношения к европейской философской культуре. Но вот в произведении В.Н. Вандышева мы видим органически выписанные эпизоды, свидетельствующие об обращении Григория Саввича к идеям классиков философии, среди которых Демокрит из Абдеры, Рене Декарт, Жюльен Офре де Ламетри. Удивительным представляется нам, получившим изрядный заряд философского знания в духе марксизма-ленинизма, учение Демокрита, который толковал аж о трёх родах атомов! И сразу задумываешься: а был ли Демокрит столь правоверным проводником «линии материализма», каким его пытались представить и порой представляют донныне?

Автор рецензируемого произведения глубоко изучил особенности философствования Г.С. Сковороды, нюансы языка его произведений, который неразрывно связан с языковой культуры того времени². Так, очень убедительно, а в то же время и оригинально, со страниц книги звучит учение о трёх

¹ Вандышев В. Н. ВарСава, или Жизнь после : монография / В. Н. Вандышев. – Харьков : Издатель Савчук О. О., 2012. – 360 с.

² Здесь хотим сделать одну ремарку. К сожалению, получившая в последние пару десятилетий тенденция на все лады переводить на «литературный» язык произведения Григория Сковороды, на наш взгляд, лишь усложняет восприятие идей и образов мыслителя. При надлежащем справочном аппарате, разъясняющем некоторые архаиз-

мирах. Автор показывает, что это учение имеет многоуровневое толкование, наряду с учением о мире откровенном и сокровенном и др. Многим людям, неоднократно посещавшим место последнего пристанища великого мыслителя, нельзя не задуматься над тем, вроде бы простым, но по большому счету принципиальным фактом, почему, по какой-то странной традиции, текст эпитафии на могиле Сковороды, где ясно написано: «Мір ловивь мене, но не поймалъ», непременно искажают до «Світ ловив мене...». Думается, что так происходит и от непонимания особенностей личности мыслителя, и от нежелания задуматься на особенностями языковой реальности во времена его жизни.

Наиболее сложной и неоднозначной в представленном учении Сковороды есть та его часть, которая относится к теме воскрешения. «Что значит жизнь вечная, если нет воскрешения?!» – вопрошает Григорий Сковорода. И ведь никто¹ из исследователей его философского наследия не считал нужным задуматься и шире развернуть ту часть творческой работы мыслителя, а может быть, и мистического учения, где Григорий Саввич говорит о возможности воскрешения живших прежде. И это в то время, когда божественной (а может быть, и материальной, практической) силой кости, покоящиеся в земле, будут обложены жилами и плотью, покрыты кожей и в них будет введен дух, т.е. жизнь! Скажете, мистика!? Не спешите со скоропалительными оценками! А лучше посмотрите, что делается в современном научном мире. Уже к середине нынешнего столетия грозятся очень существенно продлить жизнь человеку, утверждают, что нашли «ген старения» и прочая, и прочая. Давайте лучше обратим внимание на работы трансплантологов и геронтологов, на бурное развитие биомедицины, на достижения в области генетики и нанотехнологий. И на многое другое, что сегодня рассматривается, если не в плане чисто этическом, то в плане биоэтики несомненно.

Но часть романа, посвященная собственно учению и деятельности Г.С. Сковороды, – лишь вводная в основное содержание, раскрывающее сущность учения о воскрешении, которое много десятилетий разрабатывал Николай Федорович Федоров. Из содержания романа мы видим органическое переплетение идей Сковороды и Федорова. Более того, автор обнаруживает и демонстрирует явную преемственность учения Федорова. Город Харьков, ко времени жизни Сковороды имевший едва ли столетнюю историю и немногочисленное, сравнительно, например, с соседним Курском население, своим университетом обязан трудам его симпатиков, подвижничеству нескольких творческих и волевых людей. И этот эпизод, сложности и неожиданные удачи, приведшие к открытию первого на юге империи университета, неразрывно связаны с духом учения Сковороды. Не удивительно, что в Харьковском Императорском университете изначально утверждался дух творческих исканий и Василием Каразиным, и Иваном Рижским, и их коллегами – учёными-физиками и учёными-медиками. Следуя духу упований Василия Каразина, Н.Ф. Федоров был уверен, что регуляция атмосферных процессов могла бы разрешить и земельный, и промышленный вопросы. Ведь безоблачное и солнечное небо – это истоки солнечной силы, создавшей запасы угля. Если эффективно использовать солнечную силу, то не надо добывать каменный уголь и железо. Значит, не будет и тяжелого положения рудокопов и социального напряжения. Точно так же, если в нужное время и в нужном месте пройдет дождь, то будет достаточный урожай, не будет голода и социального напряжения. Да, порой многим их идеи представлялись если не безумием, то уж точно бесплотной фантазией. Но ведь сегодня и метеорологические станции по всей Земле густо разбросаны, и атмосферными явлениями немного управляют, и солнечную энергию и энергию ветра осваивают.

Методологическим принципом организации науки, по мнению Федорова, должен стать принцип тождества разума практического и разума теоретического. Разум практический рассматриваем как правящий, как регуляция или обращение слепого хода природы в разумный. И мы знаем, что многие фантазии и мечты в значительной мере уже сегодня стали реальностью. В окружении Федорова мы видим многих известных людей: В.С. Соловьева – философа, А.М. Бутлерова – учёного-химика, К.Э. Циолковского – изобретателя космических летательных аппаратов, И.В. Мичурина – биолога и селекционера, Родиона Вечного – практика и предпринимателя грандиозного дела воскрешения.

Показателен один из диалогов Соловьева и Федорова², когда последний интерпретирует образ соловьевского Антихриста как сверхчеловека в ницшеанском смысле. По мнению Федорова, в христианстве «сверхчеловек» означает «новый» или «обновлённый», «совлекшийся ветхого» и «возрождённый»,

---

мы в произведениях его, оригинальные тексты мыслителя вполне доступны современному читателю. Более того, аутентичный язык Сковороды-автора позволяет лучше понять и тонкие извивы его мысли.

¹ В этом своём суждении мы не хотели бы быть безапелляционными. Поскольку мы не профессиональные философы или богословы, то в этом пункте можем ошибиться. Возможно, вполне возможно, что кто-то из религиозных философов и обращался к библейской версии воскрешения в духе Иезекииля и Исаяи в связи с работами Сковороды, или за пределами этой темы.

² Вандышев В.Н. ВарСава, или Жизнь после. – С. 129-130.

что связано с всеобщим крещением. А посему, он считает, что возможно сделать человеческий род сверхчеловечеством, и не в мистическом, а в материальном смысле воскрешения и бессмертия. Эти мысли «хозяина каталожной» отвечают его приятию двух материализмов: материализма подчинения слепой силе материи и материализма управления материей.

Один из важных моментов рецензируемой монографии можно усмотреть в подспудном проведении в ней идеологии волонтаризма Н.Ф. Федорова, утверждавшего, что с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, что есть, к знанию того, что должно быть. Этот тезис достаточно серьезный, чтобы уклониться от его оценки. Самое же главное состоит в том, что знание того «как должно быть» стало не только руководящей и навязчивой идеей нового коммуно-большевистского режима в России, но оно стало стержнем всей его практической деятельности, превратившись в требование «так должно быть!» Всякому же, кто осмелился усомниться в правомерности этого «так», приходилось столкнуться со всей беспощадностью и ужасами репрессивной ленинско-сталинской системы концлагерей.

Третья часть произведения – это эпопея борьбы за реализацию Проекта. Да, именно Проекта с большой буквы, ибо значимость всех остальных предприятий меркнет на фоне этой впечатляющей задачи. Идеи становятся материальной силой, как только овладевают массами, так, помнится, нас когда-то учили. И, очевидно, – это правильное положение. Как только сформулирована цель, она становится при условии наличия волевого усилия (чуть не сказали, веры), серьезным стимулом к действию. Именно мысль о том, что воскрешение возможно, определила жизненную стезю молодого юриста – главного героя повествования, который отчасти своею волею, отчасти волею обстоятельств стал создателем лаборатории и организатором фантастического дела – дела воскрешения.

Социально-политическая канва, которая явно присутствует в предложенной нашему вниманию книге, оказывается наглядным свидетельством достоверности описываемых в ней событий. Коллизии монархизма, революционных трансформаций общества, насилия и жертвенности вполне лежали в русле этической парадигмы эпохи искания правды социализма, то ли научного, то ли утопического. И они накладывали свой отпечаток на обстоятельства реализации идеи воскрешения и вечной жизни.

Да, вполне возможно, что и сегодня, где-то в самом центре Москвы, в глубинах подземелий лежат и лабораторные журналы, и образцы лабораторных экспериментов, и останки Н.Ф. Федорова. И вполне возможно, что когда-то копии этих журналов будут обнаружены в окрестностях Лозанны, в каком-то уютном особнячке. Ибо все возможно в этом мире!

Несколько важных тем взято в романе за основу. Некоторые из них – привычны для современной философии, некоторые лежат в плоскости оккультно-мистической, некоторые характеризуют плоскость предметно-практическую. В этом, как раз в этом и заключается в романе начало интертекстуальное, насколько его следует понимать, когда идеи базовые, универсальные, актуальные, органично перетекают из одной научной или творческой концепции в другую. А где их начало? Можно искать в античности, можно искать в идеях Древнего Востока, но очевидно, все-таки начало где-то глубже, в изначально неведомой нам дали времен... Не менее важен и другой аспект интертекстуального, а именно, опора на уже имеющиеся литературно-публицистические тексты. Здесь как раз следует обратить внимание на то, настолько гибко и уместно профессор Вандышев использовал богатый опыт русской и советской литературы. Думается, что только глубокий знаток этой литературы сможет связать концы с концами. Впрочем, те разгадки, которые мы имеем, оставим при себе. Читайте и вспоминайте наших классиков. Интересными, уместными и поучительными представляются избранные автором эпитафии, формулировки названий разделов и глав.

В чем обнаруживается главный пафос философско-публицистического произведения проф. Вандышева? Очевидно, в том, что развитие сюжетной линии романа не прерывается, что филиация идеи воскрешения прослеживается на широком и богатом полотне событийми российской и советской действительности. В эту действительность вплетаются жизни и деяния многих героев нашей истории, среди которых бессребреники-философы, вдумчивые ученые, прозорливые астрологи, царствующие особы, писатели и бомбисты, большевики и провокаторы, лидеры советского режима, тираны и их жертвы. И все-таки, несмотря на все перипетии жизни, даже можно сказать, на высокую меру реализма жизни, отображенные в книге «ВарСава, или Жизнь после», в ней чувствуется рука философа. Так пожелаем автору новых прозрений и новых (интер)текстов!

**Доктор филологических наук, профессор
Елена С. Переломова (Сумы, СумГУ)**

**Кандидат технических наук, профессор
Иван Я. Гришин (Харьков, ХНТУСХ)**